

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-12-27

Народовольцы и декабристы: проблема преемственности революционных поколений в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг.

Ольга В. Шемякина

*Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева,
Москва, Россия, shemiakina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается освещение проблемы преемственности различных этапов революционного движения в мемуарах революционеров-народников 1870-х гг., написанных в советский период. Автор опирается на опубликованные мемуары и другие литературные работы старых революционеров, их переписку между собой и стенограмму заседания 1930 г. в Обществе политкаторжан на тему «Связь революционных поколений с декабристами».

В первой части статьи автор анализирует отношение народников-мемуаристов к представлению о народниках как о предшественниках большевиков или эсеров. Вторая часть посвящена раскрытию в литературных трудах старых революционеров декабристской темы – как отдельных упоминаний, так и специальных работ О.К. Булановой-Трубниковой и В.Н. Фигнер. В третьей части рассматриваются мнения о связи между декабристами и народниками, высказанные на заседании в Обществе политкаторжан историками и старыми народовольцами.

Автор приходит к выводу, что для народнической мемуаристики 1920–1930-х гг. было характерно избегание темы преемственности, несмотря на ее популярность среди историков того времени. В то же время старые революционеры достаточно много внимания уделили декабристам, с которыми они ощущали связь морального характера. Этот факт следует рассматривать в контексте интереса к этической стороне народнического движения в целом, свойственного народнической мемуаристике 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: народничество, «Народная воля», движение декабристов, народническая мемуаристика, советская историография, историография революционного движения, В.Н. Фигнер, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев

© Шемякина О.В., 2019

Для цитирования: Шемякина О.В. Народовольцы и декабристы: проблема преемственности революционных поколений в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-12-27

The members of the “People’s Will” and the Decembrists: the idea of continuity of revolutionary generations in narodniks’ memoirs of the 1920–1930s

Olga V. Shemyakina

*Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia,
Moscow, Russia; shemiakina@yandex.ru*

Abstract. The article examines the idea of continuity of different periods of revolutionary movement as discussed in the memoirs of revolutionary populists written after 1917. The author draws upon published and unpublished sources, such as old revolutionaries’ memoirs and letters, as well as the transcripts of the meeting of the Society of Former Political Prisoners and Exiles (1930), titled “The Continuity of Revolutionary Generations with the Decembrists”.

In the first part the author analyses the attitude of the memoir writers to the idea of narodniks as precursors to the Bolsheviks or the Socialist Revolutionary Party. The second part deals with the discussion of the Decembrists both in the memoirs and special articles by O.K. Bulanova-Trubnikova and V.N. Figner. The third part considers the opinions about the connection between the Decembrists and narodniks, given by historians and narodniks themselves at the meeting of the Society of Former Political Prisoners and Exiles.

The author concludes that the narodniks’ memoirs usually avoided the idea of continuity, although it was popular among contemporary historians. Nevertheless, they felt a moral connection to the Decembrists whom they discussed at length in their works. This should be viewed in the context of the close attention to the ethical dimension of populism which was characteristic to narodniks’ memoirs of the 1920-1930s.

Keywords: populist movement, “People’s Will”, Decembrists, populists’ memoirs, soviet historiography, historiography of revolutionary movement, V.N. Figner, Society of Former Political Prisoners and Exiles

For citation: Shemyakina OV. The members of the “People’s Will” and the Decembrists: the idea of continuity of revolutionary generations in narodniks’ memoirs of the 1920-1930s. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;3:12-27. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-12-27

Введение

Большинство наиболее активных представителей поколения революционеров 1870-х гг. погибли в тюрьме или на эшафоте. Однако некоторым из них удалось пережить долгие годы каторги и ссылки и стать свидетелями революции 1917 г. и начала строительства в России нового социалистического общества. В 1920–1930-е гг. их называли «старыми революционерами» или «стариками». К ним относились В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, Н.А. Чарушин, О.В. Аптекман, Л.Г. Дейч и др. Связанные некогда в молодости приверженностью народнической идеологии и совместной революционной деятельностью, в советский период они продолжали поддерживать личное общение и вести переписку. Их объединял также ряд организаций историко-просветительского, правозащитного и благотворительного характера, прежде всего Общество политкаторжан. Несколько раз «старикам» направляли совместные заявления в ЦИК СССР с критикой репрессивной политики большевиков. Но главное, что их сблизало, – это задача сохранения памяти о народническом движении и ушедших товарищах, создания большой «коллективной автобиографии». Они издавали и переиздавали свои воспоминания целыми книгами и небольшими статьями, писали примечания и предисловия к работам друг друга, постоянно уточняя между собой какие-то детали прошлого, активно обсуждали в переписке как сам процесс, так и результат собственного мемуарного творчества.

Воспоминания революционеров 1870-х гг. являются не только важным источником для изучения истории народнического движения. Они представляют ценность как эго-документы, позволяющие понять, как старые революционеры смотрели на пройденный жизненный путь из уже совершенно новой реальности. Такой подход к народнической мемуаристике как к самостоятельному объекту изучения можно встретить в работах Т.А. Сабуровой, Б. Эклофа, Х. Хугенбум [1,2]. Так, Сабурова и Эклоф [1 с. 367, 371] в биографии Чарушина пишут о схожести воспоминаний, созданных народниками в советский период, о наличии в них «странствующего нарратива». Однако само содержание этого общего нарратива по-прежнему остается неясным. Решение этой задачи осложняется тем, что воспоминания народников естественным образом кажутся схожими вследствие того, что тематически они охватывают единый круг исторических сюжетов и отражают комплекс индивидуальных жизненных траекторий, постоянно пересекающихся между собой. Кроме того, для понимания особенностей народнической мемуаристики ее необходимо изучать в сравнении с тем, как и что писали о народническом дви-

жении историки 1920–1930-х гг., принадлежавшие к различным идеологическим направлениям.

В настоящей статье будет рассмотрено освещение в народнической мемуаристике проблемы преемственности в истории революционного движения – одной из наиболее актуальных для советской историографии 1920–1930-х гг. При подготовке статьи были использованы опубликованные мемуары деятелей революционного движения 1870-х гг., написанные в советский период, а также архивные документы – материалы Общества политкаторжан и переписки старых революционеров.

Народники как предшественники

В 1920–1930-е гг. вопросы генеалогии русского марксизма и большевизма стояли в центре многочисленных дискуссий. Значительной части историков-марксистов, изучавших народническое движение или идеологов народничества, было свойственно изображать своих персонажей в качестве предшественников большевиков, находить параллели в их идеологии и деятельности. Вспомним также и ставшую классикой статью В.И. Ленина «Памяти Герцена» 1912 г., где проводилась линия преемственности от декабристов к Герцену, затем к Чернышевскому и «Народной воле», а затем уже к пролетарскому движению. Но и те, кто выступал против подобных аналогий, также, как правило, рассматривали историю общественного и революционного движения XIX – начала XX в. как историю нескольких идеологических течений, приобретавших различные формы на различных этапах. Например, некоторые считали «Народную волю» частью либеральной тенденции.

Для революционеров-семидесятников, создававших свои воспоминания в советское время, такой генеалогический подход, напротив, был крайне нехарактерен. Можно привести лишь несколько примеров-исключений.

Участница хождения в народ Н.А. Головина-Юргенсон в 1920-е гг. написала множество рецензий для журнала «Каторга и ссылка». Для нее наличие попытки проследить связь различных этапов революционного движения выступало в качестве критерия оценки книги. Она подчеркивала, что ее в истории революции интересовали именно «преемственность и перманентность революционного движения»¹. Головина не была членом ВКП(б),

---

¹ Головина Н. [Рец.] // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 319. Рец. на кн.: Мануйлова Л. Печали и радости моей жизни. М.: Госиздат, 1922. Она же. [Рец.] // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 320. Рец. на кн.: Скверн М.П.

но, судя по текстам ее рецензий, была близка к большевикам по своим взглядам. Очевидно, что ее интерес к теме преемственности был вызван тем сложным идейным путем, который ей самой пришлось пройти.

Можно было бы предположить, что сам жанр личных воспоминаний заставлял мемуаристов фокусироваться на детальном описании своего жизненного пути и подробностях различных эпизодов истории народнического движения. Более удобным форматом для подведения итогов и установления связи с современностью могли бы быть краткие автобиографии, написанные в 1925–1926 гг. для «Энциклопедического словаря Гранат». Однако из всех авторов автобиографий, которых можно причислить к народникам 1870-х гг., единственным, кто написал об этом, была Е.Н. Оловенникова:

Я счастлива тем, что мне удалось дожить до осуществления тех идей, которым я отдала свою раннюю молодость, зрелые годы и вообще мою жизнь. Говорю так потому, что уверена, несмотря ни на какие теоретические доказательства от противного, что между русской Октябрьской революцией... и старым народничеством все-таки есть известная генетическая связь².

Но далеко не все революционеры-семидесятники считали советскую Россию воплощением своих идей и, соответственно, они не хотели рассматривать свое революционное прошлое как подготовку к Октябрьской революции.

Народников и народовольцев традиционно считали своими предшественниками эсеры. Кроме того, значительная часть революционеров-семидесятников впоследствии была связана с ПСР (В.Н. Фигнер, П.С. Ивановская, М.М. Чернавский, А.П. Прибылева-Корба, А.В. Якимова и др.). В 1921 г. на вечере памяти Е.С. Сазонова – эсера-террориста, убившего В.К. Плеве, – устроенном Обществом политкаторжан и Исторической секцией Дома печати, В.Н. Фигнер³ в своей речи напрямую отмечала преемственность между «Народной волей» и ПСР: их объединял вопрос о земле, опора на крестьянство, тактика индивидуального террора, создание организации среди военных. Эта тема, однако, не получила

Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса: Госиздат, 1921.

² *Оловенникова Е.Н.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. Москва: Советская энциклопедия, 1989. С. 173.

³ *Фигнер В.* Памяти Е.С. Сазонова // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 7–11.

развития в последующих работах Фигнер или других народников-мемуаристов. Более того, из переписки Фигнер мы узнаем, что тема преемственности между «Народной волей» и эсерами была предложена Фигнер самими строителями вечера, и для должного ее раскрытия Фигнер пришлось обратиться за помощью к С.П. Мельгунову⁴.

Таким образом, в работах революционеров 1870-х гг. в советский период мы видим, скорее, избегание темы преемственности народничества и народовольчества по отношению к последующим политическим движениям. Характерно также и то, что «старики» не приняли участия и не высказались в поддержку ни одной из сторон в дискуссии о «Народной воле», посвященной как раз проблеме генетической связи народничества и большевизма.

Декабристская тема в литературной деятельности «старых революционеров»

На проблему преемственности можно посмотреть и с обратной стороны – кого «старики» считали своими предшественниками? В мемуарах они много писали о той литературе, которую они читали в юности и ранней молодости, и здесь Н.Г. Чернышевский с его примечаниями к «Основаниям политической экономии» Дж. Ст. Милля находится на первом месте по количеству упоминаний [3]. Отмечали и впечатления от выстрела Каракозова и нечаевского процесса. Но все эти имена и связанные с ними организации, движения упоминались как часть той обстановки, в которой происходило формирование мировоззрения семидесятников, а не для указания на своих предшественников.

Отдельно стоит сказать о теме декабристов, которая достаточно активно присутствует в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. В ряде воспоминаний мы встречаем упоминания о каких-то случайных пересечениях революционеров-семидесятников с декабристами.

Л.Г. Дейч в своей брошюре «Почему я стал революционером» 1921 г. перечисляет основные факторы, приведшие его к революционному движению, много внимания уделяет детским впечатлениям. Он называет четыре исторических события, повлиявших на него, три из которых произошли при его жизни: освобождение крестьян, польское восстание 1863 г., покушение Каракозова. Четвертым событием было восстание декабристов. Мать Дейча была

---

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 1. Д. 239. Л. 185–186.

уроженкой местечка Тульчина – центра «Южного общества» декабристов. Она была далека от политики, во времена декабристов была совсем маленькой и знать что-то о них могла только по рассказам других, более старших, жителей Тульчина. Тем не менее она знала имена Пестеля и Муравьева-Апостола, охотно делилась своими воспоминаниями в семейном кругу. Дейч вспоминал:

...Многого из этих разговоров я не понимал, все же кое-что запомнил, а именно, что были генералы, полковники, князья, которые пошли войной против царя. Главным их начальником был полковник Пестель. Но царь его войско разбил, всех забрал в плен, а потом велел кого повесить, кого в Сибирь сослать. Едва ли тогда многие русские дети моего возраста имели даже такие сведения о декабристах. С тех отдаленных времен всегда, когда мне приходилось читать о декабристах, в моей памяти тотчас воскресали рассказы о них моей матери⁵.

П.С. Ивановская-Волошенко⁶ вспоминала, что в ее родное село еще за три года до ее рождения приехал возвращенный по амнистии из Сибири декабрист М.А. Бодиско. Он завязал близкие дружеские отношения с ее отцом – сельским священником, а впоследствии, при его материальной поддержке, Ивановская и ее сестра смогли поступить в духовное училище.

А.И. Корнилова-Мороз в 1920-е гг. свою литературную деятельность посвятила в основном С.Л. Перовской, с которой дружила еще с юности. Она посчитала нужным зафиксировать в биографии Перовской, что в 12 лет она несколько месяцев прожила в одном доме в Женеве с декабристом Поджио и подружилась с его дочерью⁷.

Н.К. Бух⁸ вспоминал, что его отец после смерти Николая I «смягчился», вспомнив, «что и сам был в ссылке и, хотя далеко не по прямой линии, но все-таки приходился несколько сродни только что вернувшимся из Сибири декабристам, которым в тайниках своей души всегда сочувствовал».

О.К. Буланова-Трубникова была внучкой декабриста В.П. Ивашева. Это сыграло большую роль в ее если не революционной, то

⁵ *Дейч Л.Г.* Почему я стал революционером. Пг.: ГИЗ, 1921. С. 9.

⁶ *Ивановская П.С.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России... С. 90–96. С. 90.

⁷ *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. № 1(22). С. 8.

⁸ *Бух Н.К.* Воспоминания. М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1928. С. 6.

литературной деятельности. Она посвятила две книги истории своей семье, которая вплеталась в историю революционного и общественного движения России⁹. Книга «Роман декабриста» на основе сохранившейся в семейном архиве переписки рассказывает романтическую историю Ивашева и Камиллы Ле-Дантю, которая поехала за ним в Сибирь, не будучи ни его женой, ни даже невестой, побуждаемая лишь своей любовью к нему. В итоге их семейная жизнь была счастливой, подарила им троих детей, хотя и длилась всего восемь лет, пока болезнь не унесла жизнь Камиллы, а через год и убитого горем Ивашева. Книга также рисует картину нежных и благородных взаимоотношений внутри семьи Ивашева – его родителей и сестер, которые поддерживали декабриста на протяжении всего его непростого пути.

Старых народников с некоторыми декабристами объединяла также общность их положений как революционеров, переживших многолетнюю каторгу и ссылку и пишущих свои мемуары на склоне лет. Об этой параллели упоминал Н.К. Бух, вспоминая о своем заключении в Петропавловской крепости:

Незадолго до этого я в «Отечественных записках» прочитал воспоминания декабриста барона Розена. Прочитал и позавидовал этому старцу, имевшему возможность при конце своих дней сообщить нам о страданиях, испытанных им и его товарищами в период отбывания ими каторги и ссылки. И во мне с особой силой проснулась жажда жизни. Рисовал картину: вот и я, старик, подобно барону Розену, возьмусь за перо и опишу жизнь свою и своих товарищей в период нашей революционной деятельности¹⁰.

В 1925 г. Фигнер написала к столетнему юбилею восстания на Сенатской площади статью «Жены декабристов»¹¹. Она подробно рассказывала о том, в каких тяжелых условиях оказались жены декабристов в ссылке, как самоотверженно они помогали не только своим мужьям, но и другим заключенным. Фигнер сравнивала положение женщины во времена декабристов и в эпоху своей революционной деятельности. В 1870-е гг. женщины сознательно вставали на революционный путь и мысленно подготавливали

---

⁹ Буланова О.К. Роман декабриста: декабрист В.П. Ивашев и его семья (из семейного архива). М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1933. 408 с.; Она же. Три поколения. М.; Л.: Госиздат, 1928. 215 с.

¹⁰ Бух Н.К. В Петропавловской крепости // Каторга и ссылка. 1930. № 11(72). С. 100.

¹¹ Фигнер В.Н. Жены декабристов // Там же. 1925. № 8(21). С. 227–237.

себя к ожидавшей их участи на каторге и в ссылке. Ощущение причастности к великому делу борьбы за социализм и свободу давало им силы пережить лишения. В эпоху декабристов положение женщины было таким, что жены декабристов ничего не знали даже о существовании каких-то тайных обществ. Для них арест их мужей, суд и приговор над ними стал «всесокрушающей катастрофой, к которой ничто не подготовляло среди роскоши и светского блеска их семейных очагов». Через всю статью проходит мотив преемственности – не политического, а нравственного порядка. Фигнер восхищалась духовной красотой жен декабристов и чувствовала связь с ними своего и последующих поколений женщин в революции через те лишения и страдания, которые им пришлось перенести:

Так от начала до конца они были равны и верны себе. Они проявили твердую волю и смелую решимость идти неуклонно к намеченной цели, неусыпную энергию и действенную любовь. ...И после них разве не эти качества русская женщина целыми десятилетиями должна была вносить в наше многострадальное революционное движение? ...И если отвлечься от страстных, жестоких и великих переживаний последних десятилетий и обратить взор в столетнюю даль, – не найдем ли и мы в женщинах то необыкновенное, что поражало и восхищало их современников, и не признаем ли в них со всей искренностью предтечей, светочей, озаряющих даль нашего революционного движения?¹²

Фигнер постоянно пишет об отдаленности эпохи декабристов, об уходящем и покрываемом туманом прошлом:

События и люди, уходящие в такую даль, как целое столетие, всегда покрываются дымкой, и не потому, чтобы память о них молчала, но потому, что «все движется, все течет», и вечно развивающаяся жизнь с каждым десятилетием ставит новые задачи, выдвигает новых людей, подкапывает и разрушает старое и создает новые условия, которые делают необычайное – осуществимым, паразитическое обыденным, и позднейшие поколения перестают удивляться прошлому и восхищаться им¹³.

Фигнер отмечала, что уже в 1870-е гг. влияние движения декабристов отсутствовало: к этому времени «жизнь преодолела прошлое, и память о тех днях и людях сохранилась лишь в смутных

---

¹² Там же. С. 237.

¹³ Там же. С. 228.

очертаниях». В 1870-е гг. со времен декабристов минуло 50 лет – столько же, сколько разделяло эпоху народничества и 1925 год, когда Фигнер писала свою статью. Возможно, ощущение общности с декабристской эпохой рождалось у Фигнер и потому, что в 1920-е гг. таким же «преодоленным жизнью» и «уплывающим в туманную даль» было и ее собственное революционное прошлое.

Заседание в Обществе политкаторжан «Связь революционных поколений с декабристами»: мнения народовольцев и историков

В воспоминаниях М.Ю. Ашенбреннера – шлиссельбуржца, члена Военной организации «Народной воли», – написанных еще до революции и изданных отдельной книгой в 1924 г., ссылки на опыт декабристов встречаются в связи с планом захвата власти А.В. Буцевича 1882 г., предполагавшим арест Александра III. Здесь Ашенбреннер оговаривается, что возможно было бы только убить царя, но не арестовывать, так как Военная организация рассчитывала только на пешее войско, в отличие от декабристов, имевших в своем составе несколько конных командиров. Оправдывая фантастический план Буцевича, Ашенбреннер прямо ссылаясь на П.И. Пестеля как на авторитета¹⁴.

Отсылки к опыту декабристов отчетливо звучали также в статье П.А. Аргунова¹⁵ – члена кружка «милитаристов», образовавшегося в Москве в 1882 г. независимо от «Народной воли». Он проводил преемственность между декабристами и кружком «милитаристов», саму форму военного заговора он называл «завещанной декабристами», писал об их идеологической правоте и верности избранного ими метода действий. С декабристами Аргунова связывало также и то, что он, как и некоторые другие члены кружка, был родом из Сибири. В своих воспоминаниях он отмечал то революционизирующее воздействие, которое оказала на него политическая ссылка, в том числе память о декабристах.

Все эти упоминания заставили историков поставить вопрос о преемственной связи между декабристами и революционерами 1870–1880-х гг. В мае 1930 г. в Обществе политкаторжан состоялось совместное заседание Секции по изучению декабристов и

---

¹⁴ *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904 гг.) / Ред. Н.С. Тютчева. М., 1924. С. 97–98.

¹⁵ *Аргунов П.А.* Московский кружок «Милитаристов» (из мемуаров начала 1880-х гг.) // Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1928. С. 88–89.

Кружка народovolьцев на тему «Связь революционных поколений с декабристами»¹⁶. Из историков на нем выступили М.М. Клеветский, С.Я. Елпатьевский, Б.П. Козьмин, М.В. Нечкина, Б.И. Горев, Н.К. Лебедев, из народovolьцев – В.Н. Фигнер, И.И. Попов, Н.Е. Смирнов, А.В. Якимова.

Наиболее развернутым было выступление Фигнер¹⁷. Она отрицала идейное влияние декабристов на революционеров 1870-х гг. и объясняла это как элементарным недостатком информации о движении декабристов, так и принципиально иной политической атмосферой, для которой цели декабристов (отмена крепостного права и Конституция) были неактуальны. Фигнер вспоминала, что во время ее учебы в Швейцарии в 1872–1875 гг. в западном социализме господствовало «антиполитическое» направление, скептически относившееся к участию рабочих в выборах и к политическим свободам при буржуазном строе в принципе. Такое же отрицание «политики» характерно и для раннего этапа народнического движения. Интересно, что весь период революционной деятельности Фигнер в России из ее выступления выпущен, хотя поверхностные параллели между деятельностью декабристов и «Народной волей» очевидны – идеи царевбийства, борьба за политические свободы. В данном случае, отвечая на вопрос о влиянии декабристов, Фигнер придала периоду первой половины 1870-х гг. наибольшее значение как периоду становления революционного мировоззрения своего и поколения «семидесятников» в целом.

Отрицая политическое, идейное влияние декабристов, Фигнер отмечала их духовное, этическое значение для своего поколения:

Думаю, что все те, кто изучал процессы 50-ти, 193-х и множество мелких процессов, знают, что, если их изучишь, нельзя не видеть, что тогдашние социалисты были все этическими социалистами, что главный импульс, который их привлекал к социализму, – это момент этический, считалось, что самое благородное, самое нравственное дело – это борьба за благо народа, за его конечное освобождение, за водворение справедливости в человеческих отношениях, поэтому вопросы политики совершенно ускользали с нашего горизонта. То, что декабристы были казнены, что они являлись мучениками, давало им такой ореол, который привлекал молодежь в самой сильной степени. Тогда еще не знали их показаний, но если бы даже и знали, то ввиду их казни, ввиду того, что они потерпели в Сибири, это было бы поглощено. То, что они шли на верную

---

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 73.

¹⁷ Там же. Л. 8–13.

смерть, что многие из них даже не верили в успех и говорили: наш долг начать это дело, другие будут продолжать, и вот это именно увлекало и привлекало... Таким образом, духовная связь была чисто моральная¹⁸.

Фигнер однозначно отрицала связь между декабристами и идеей создания военной организации «Народная воля» в том смысле, что она была взята у декабристов. «Сама жизнь привела к необходимости искать опоры, когда все надежды на организацию восстания крестьянских масс совершенно уплыли», – говорила Фигнер. И опору эту искали среди рабочих, учащейся молодежи и военных. Отмечала Фигнер и личную роль Н.Е. Суханова, который смог стать для военных «настоящим вождем». Подчеркивая, что практический опыт декабристов никак не использовался Военной организацией, Фигнер даже выразила сожаление по этому поводу: «Меня даже теперь изумляет, что у нас в Исполнительном Комитете не было библиотеки, которая заключала бы в себе всего этого исторического материала, он мог бы нам грандиозную услугу оказать».

Спустя многие годы Фигнер могла восполнить этот пробел. В 1920-е гг. она проявила большой интерес к декабристам и их воспоминаниям, что видно из ее статьи о женах декабристов. В своем выступлении на заседании Фигнер приводила несколько эпизодов из воспоминаний И.Д. Якушкина, а также упомянула воспоминания И.И. Горбачевского, отметив, что после их прочтения «видишь не 14 декабря великим, а то, что было сделано “соединенными силами”».

С позицией Фигнер согласились и остальные выступившие на заседании народовольцы, которые также говорили об этическом влиянии декабристов. Приведем отрывки из выступления Попова:

Я бы сказал, что на меня декабристы очень имели влияние. Если я разберусь в тех фактах, которые я испытал в своей жизни, я скажу, что ни один революционер не прошел мимо влияния декабристов. Наиболее ярким моментом для меня было 14 декабря, только это 14 декабря могло захватить юношество своей героической стороной. Вот именно такой импульс мы получаем в юношестве, когда закладываются те мысли, из которых вырастают революционные ростки. Я имел возможность наблюдать в России и в особенности в Сибири – ни один рядовой деятель из Сибири не вышел, не попав под влияние декабристов. Все Забайкалье было насыщено песнями о декабристах, эти песни затушевывали все. ...Мне невольно вспоминается мое детство. На Адмиралтейской площади, тогда еще не

---

¹⁸ Там же. Л. 9.

было Александровского сада, были балаганы, мы с бабушкой были на этих балаганах. Вдруг я слышу от бабушки такие слова: а вот тут Нева была залита кровью. И вот когда она это сказала, у меня осталось навсегда, я думаю, что такие толчки у каждого из нас бывали. ...Правильно говорили Вера Николаевна и Сергей Яковлевич [Елпатьевский], которые указали, что декабристы нам открыли глаза, они нас толкнули на тот путь, когда нужно было жертвовать собой. ...Тогда были еще современники этого движения, и так или иначе это должно было в той или иной форме, особенно в интеллигентных семьях, передаваться¹⁹.

В своем выступлении Фигнер также упомянула, что присутствовавший на заседании историк-декабристовед Б.Е. Сыроечковский давно предлагал ей сделать специальный доклад об отношении народовольцев к декабристам. Когда Фигнер сказала ему, что Желябов в беседах с военными указывал на декабристов, Сыроечковский «обрадовался и сказал: “вот-вот, об этом и доложите”»²⁰. Как видно из изложенного содержания выступления Фигнер, энтузиазма историка по поводу такой постановки вопроса она не разделяла. Несмотря на единодушное отрицание старыми народовольцами какого бы то ни было, помимо морального, влияния на них декабристов, историки Клевенский и Козьмин²¹ продолжали попытки найти связь между декабристами и революционерами 1870–1880-х гг. на уровне практического опыта, преимущественно обращаясь к Военной организации «Народной воли» и воспоминаниям Аргунова о кружке «милитаристов». Так, Клевенский, ссылаясь на приведенные выше воспоминания Ашенбреннера, делал вывод: «Здесь мы уже видим прямое использование опыта декабристов»²². Горев не был склонен к подобным аналогиям. Он поддержал слова народовольцев о моральном влиянии декабристов, но постарался объяснить его с классовой точки зрения. Это влияние было важно только для тех революционеров, которых можно отнести к «кающимся дворянам», так как они нуждались в этическом импульсе, «подъеме чисто индивидуальных мотивов», в отличие от народников-разночинцев, которым было присуще «настроение естественной злобы и ненависти». Но даже в его выступлении можно заметить стремление рассматривать историю революционного движения как историю нескольких преемственных идеологических линий. Так, ему понравилось замечание Фигнер

---

¹⁹ Там же. Л. 13 об.–14.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 4–5, 20–21.

²² Там же. Л. 4–4 об.

о значении южного Общества соединенных славян, так как декабристы Петербурга представляют собой либеральную традицию и, соответственно, не могут быть связаны с народническим движением²³. Таким образом, в ходе обсуждения на заседании в Обществе политкаторжан проявилась существенная разница в подходах к истории революционного движения, характерных для историков и старых революционеров.

Фигнер тем не менее декабристская тема не оставляла. Спустя несколько лет в письме она просила Чарушина написать ей о том, как на него повлияли декабристы²⁴. К сожалению, неизвестно, какова была цель этого вопроса, собиралась ли она еще что-то писать о декабристах. Но сохранился ответ Чарушина, аналогичный тому, что говорили в ходе заседания народовольцы:

Полагаю, что в числе многих других влияний на духовное и революционное развитие, как лично мое, так и моих товарищей по работе и наше поколение вообще, несомненно было, хотя и не прямое, и влияние декабристов, пленявших нас широтой по тому времени замысла, смелостью выступления, мужеством и стойкостью в несчастьи. Непосредственным же и ближайшим толкачом в этом направлении для нас, вне всякого сомнения, были текущая литература и непроглядная русская действительность. В зависимости от этого и наши установки и ближайшие задачи были совсем другие, чем они были у декабристов, что в свою очередь и не дает нам основания рассматривать наше революционное движение как непосредственное продолжение движения декабристов. Преемственной и непосредственной связи между тем и другим движением, полагаю, не было²⁵.

Заключение

В народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. тема преемственности осталась практически без внимания, старые революционеры предпочитали ее избегать, несмотря на то что она была популярна среди историков того времени. «Старики» не хотели становиться ни чьими-то последователями, ни предшественниками. Они предпочитали описывать свое революционное прошлое как нечто самоценное. В то же время по мемуарам и архивным документам мы видим, что старые революционеры сравнительно много внимания уделили декабристам. Особенно это характерно

---

²³ Там же. Л. 16 об.–17.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 14.

²⁵ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 27.

для Фигнер, которая трижды в разное время специально обращалась к этой теме, хотя в ее личной биографии никаких пересечений с декабристами не было. Казалось бы, движение декабристов было чем-то давно ушедшим в далекое прошлое. Как подчеркивали сами народovolьцы, оно не имело для них большого значения и в 1870-е гг. Однако декабристская тема актуализируется спустя много лет в 1920–1930-е гг. в ходе осмысления народниками своего жизненного пути и истории народнического движения.

В целом для народнических воспоминаний советского периода характерно обращение к истокам народнического и народovolьческого движения – к эпохе первой половины 1870-х гг. Фигнер²⁶, ссылаясь на А.И. Желябова, любила называть ее «розовым периодом», имея в виду, что это было время прекрасных и чистых людей и их иллюзий, не знавшее еще ужаса от гибели товарищей на эшафоте. В описании кружков первой половины 1870-х гг. мемуаристы постоянно подчеркивали этическую составляющую движения, высокий нравственный уровень целей и принципов его участников и отношений между ними. В этих воспоминаниях вопросы идеологии, организации, тактики отходили на второй план. Точно так же, говоря о декабристах, «старики» обращали внимание на нравственное значение их движения, и по этой этической линии устанавливали связь между своим революционным поколением и эпохой декабристов.

Литература

---

1. Сабурова Т.А., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
2. Hoogenboom H. Vera Figner and revolutionary autobiographies: the influence of gender on genre // *Women in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 78–93.
3. Колесникова Л.А. Мемуары революционеров 1870-х гг. об идейно-психологическом воздействии на них литературы // *Вопросы истории*. 2005. № 5. С. 96–105.

References

---

1. Saburova TA., Eklof B. *Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and the Generation of Populists of the 1870th*. Moscow: Novee literaturnoe obozrenie Publ.; 2016. 448 p. [In Russ.]

---

²⁶ Фигнер В.Н. Процесс 50-ти 1877 г. // *Каторга и ссылка*. 1927. № 4(33). С. 7–20. Она же. Памяти Е.С. Сазонова... С. 9. Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народovolec А.Д. Михайлов. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. 231 с. С. 29.

2. Hoogenboom H. Vera Figner and revolutionary autobiographies: the influence of gender on genre. *Women in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 1996. p. 78-93.
3. Kolesnikova LA. The Memoirs of the Revolutionaries of the 1870s about the Influence of the Literature on Them. *Voprosy istorii*. 2005;5:96-105. [In Russ.]

Информация об авторе

Ольга В. Шемякина, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия; 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 9; shemiakina@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Shemyakina, Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia; bld. 9, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; shemiakina@yandex.ru